

Буду тихо прощаться со всеми,
Кого крепко накрыл чернозём,
До того, как обрушится темень
На высокий простор над селом.

Шумит о свободе слепая толпа,
По прежней идя траектории,
Народ наступает, а может, судьба
На вечные грабли Истории.

Затасканных лозунгов слышится визг
В иной новомодной обёртке,
И Ванька-дурак вновь над бездной завис,
Но всё ещё держится ловко.

Он может сорваться, ведь нам ли не знать
Прошедших времён категории.
Ах, Ванька-дурак, помоги мне сломать
Живучие грабли Истории...

Когда жизнь обречённо и просто
Мне подскажет мой край на земле,
Я приду попрощаться с погостом
В родовом полумёртвом селе.

Задрожу от тоски и озноба,
Прошагаю полсотни шагов
Между новых и древних надгробий,
Между свежих и ветхих крестов.

Чуть застыну в последнем поклоне,
И, шагая в дорожную тьму,
Помашу полумёртвой ладонью
Родовому селу своему...

Воет пёс, он, наверно, ничей,
И душа моя воет на звёзды.
Ах, как много врагов и друзей
Поселилось уже на погостах.

И никто, и никто не воскрес.
Помолчи, горемыка-собака:
Срок придёт и сорвутся с небес
Твой и мой огоньки Зодиака...

Завершается атомный век
Заключительным актом люстрации:
Все живое загнал человек,
В том числе и себя, в резервацию.

Как дрались миллионной гурьбой!
Как кровища веками хлестала!
Человечество в битве с собой
Человека в себе потеряло.

Когда край резанёт по плечу
Стужей новой неведомой вечности,
В храм приду и поставлю свечу
Убиенной людьми человечности...

Он рванулся сквозь темень на дот,
Не кричал и не гнулся,
Но за десять шагов до высот,
Он о пулю споткнулся.

Он поднялся, споткнулся опять,
И поверил – что поздно:
Повернулась галактика вспять
И осыпалась грозно.

Он поверил, что кончился бег,
В муках смерти забился,
Окровавленный тающий снег
Его жизнью дымился.

А душа его с горних высот
С болью зрила, как с вражьей пехотой
Смертно бились родной его взвод
И его поредевшая рота...

У могилы отца

Я стремился за счастьем и горем,
Как к земле дождевая вода,
Но ушли за кудыкину гору
И надежды мои, и года.

А за этой горою кладбище,
Спит кладбище за этой горой,
Где отца земляное жилище
Поросло перезревшей травой.

Как же больно кресту поклониться,
А ведь пасть на колени хотел.
Не успел я по-русски проститься,
Я проститься с живым не успел.

Бьёт наотмашь увесистый ветер
И морщины сдувает с лица.
Сто веков или тысячелетий
Отделяют меня от отца.

Пряча думы свои горевые,
В безответном пространстве стою
У подножья отцовской могилы,
Как у жизни своей на краю...

Хомутовка

Есть посёлок, где можно согреться,
Ветром тихого счастья дыша,
Там и сердце наполнено сердцем,
И в душе воскресает душа.

Ощущаются там по-иному
Для меня и реальность, и сны,
Днём и ночью там пахнет весной –
Круглый год – от весны до весны.

Тает жизнь, как вечерние свечи,
Оттого со сторонкой моей
С каждым годом пронзительней встречи,
С каждым разом разлука – больней.

Мне б успеть – до предсмертного бреда,
Перед тем, как увянуть во мгле,
Вздох последний и выдох последний
Посвятить хомутовской земле...

Предсмертное эхо летало
Среди невысоких берёз:
Подранком косуля кричала,
Убитая в стылый мороз.

И всё – ни судьбы и ни света,
Ни милых безгрешных детей.
И шли по кровавому следу
Кровавые люди за ней...

Растекаются годы мои,
Моя жизнь так стремительно тает
От предела последней любви
И до стужи последнего края.

Где какой-то один человек
Равнодушно, а может страдая,
Мои веки опустит навек,
И мой ангел по мне отрыдает.

Может быть, соловей замолчит,
И кукушка с тоски засмеётся,
В миг, когда моя жизнь отлетит
На лугах восходящего солнца...